

Широкий Михаил

Черный дом

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Широкий

Черный дом

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Широкий М.

Чёрный дом / М. Широкий — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Никогда не разговаривайте с неизвестными, советовал классик. Гоша не последовал этому мудрому совету. Во-первых, потому что не читал классику, а предпочитал вместо этого весело проводить время со своими бесшабашными приятелями. А во-вторых, потому, что питал вполне естественную в его возрасте слабость к красивым девушкам и не смог пройти мимо обольстительной красоты, скучавшей в одиночестве на лавочке. Поражённый в самое сердце Гоша подсел к ней, завязался разговор, и, к удивлению и несказанной радости Гоши, он был приглашён незнакомкой в гости... Содержит нецензурную брань.

Глава 1

После обеда, уже ближе к вечеру, Гоша, плотно поевший и отдохнувший, вышел из дому, рассчитывая встретить во дворе своих приятелей, с которыми он планировал приятно и весело провести остаток дня.

Остановившись у подъезда, он медленно, чуть прищурив глаза, огляделся по сторонам. Не заметив вокруг ничего интересного – всё было как всегда, – вздохнул и устремил прямо перед собой томный, скучающий взгляд. Там, в глубине двора, через редкие просветы в густой зелени палисадника виднелись чьи-то стремительно двигавшиеся, мелькавшие то тут, то там фигуры и почти непрерывно слышались резкие, отрывистые возгласы, пронзительные крики и громкий, залихватистый смех. Эти разнообразные звуки, то и дело сливавшиеся в один общий оглушительный гам, сопровождались частыми гулкими ударами мяча о стены сараев и заборы, огораживавшие палисадники, из чего нетрудно было заключить, что там, на обширной площадке между сараями и зелёными насаждениями, был в самом разгаре «большой» футбол.

Послушав несколько мгновений сумбурные, не утихавшие ни на миг звуки невидимой для него игры, Гоша качнул головой и слегка нахмурился. Он сразу же определил, что там, за плотной завесой пышной листвы, гоняют мяч не его друзья, а малышня. Его же приятели, по видимому, обрелись в настоящий момент где-то в другом месте, возможно даже, за пределами двора, и их нужно было ещё поискать.

Чуть пожав плечами и бросив косой взгляд на небольшую группу старушек-соседок, сидевших неподалёку на лавочке и, едва он появился, устремивших на него хмурые, не слишком приятные взоры, Гоша неспешным шагом, немного вразвалку, двинулся в сторону соседнего дома, продолжая озираться кругом в поисках тех, кто мог бы составить ему компанию и рассеять скуку, начинавшую одолевать его всякий раз, когда он чересчур долго оставался один.

Поиски его не увенчались успехом – возле соседнего дома тоже никого не было, кроме ещё одной группки пожилых обитательниц близлежащих подъездов, также посмотревших на Гошу не очень дружелюбно, если не сказать враждебно. А вот тех, кого он желал бы увидеть и кто наверняка встретил бы его куда более радушно, не было и в помине.

Между тем именно здесь он более всего ожидал повстречать своих товарищей. Тут, в укромном уголке, образованном окаймлявшей палисадник приземистой изгородью, в сумрачной, особенно приятной в летнюю жару тени высоких развесистых деревьев, не пропускавших сквозь свои мохнатые раскидистые кроны солнечных лучей, было обычное место их встреч и времяпрепровождения. Здесь стояли две скамейки и столик, а рядом – беседка, небольшое, довольно ветхое деревянное строение, похожее на избушку, окрашенное бледно-синей, уже изрядно поблёкшей и кое-где облупившейся краской, с чёрной покатою кровлей и занавешенными, грязно-серыми от толстого слоя пыли окошками.

Тёплыми, погожими вечерами Гоша и его приятели (если не было других, более важных дел) обыкновенно коротали время в этом уютном, живописном уголке – болтали о том о сём, обменивались новостями, обсуждали текущие события, а когда иссякали темы для разговоров, предавались азартным играм или просто дурачились и бесились. В непогоду делали почти всё то же самое, но уже в беседке.

Всё ещё надеясь встретить кого-нибудь из своих друзей на этом традиционном месте их вечерних сходок, Гоша постоял минуту-другую возле беседки, дёрнул для верности ручку запертой двери и заглянул внутрь через запylённое, треснувшее поперёк оконное стекло, в узкую щель между неопрятными мятыми занавесками. Лицо его при этом хмурилось и мрачнело всё сильнее, постепенно утрачивая выражение ясности, довольства и ожидания чего-то хорошего и приятного, с которым он вышел из дому. В отсутствие обычных партнёров по играм и развлечениям ничего подобного, вероятнее всего, этим вечером не предвиделось.

Однако окончательно терять надежду ему не хотелось, и он, насупив брови и глухо бормоча что-то себе под нос, продолжал поиски.

Они закончились безрезультатно. Тех, кого он искал, нигде не было, они как в воду канули. Гоша обошёл весь двор, заглянул во все его, даже самые дальние и укромные углы и закоулки, но товарищей своих нигде не обнаружил. То ли они все отсиживались дома, что было маловероятно; то ли спонтанно, не договорившись заранее, отправились куда-нибудь всей компанией, попросту позабыв о Гоше; то ли, наконец, – как стало нащёптывать ему его раздражённое, подозрительное воображение, – приятели отнюдь не случайно, а намеренно, вполне обдуманно оставили его одного, решив таким не слишком остроумным способом подшутить над ним, заставить его рыскать по окрестностям в бесплодных поисках и теряться в догадках.

Но Гоша был не из тех, кто готов терпеть подобные дурацкие розыгрыши и на потеху кому бы то ни было участвовать в них. Убедившись в тщетности своих поисков, он сделал резкое, досадливое движение, пробормотал сквозь зубы короткое ругательство и, бросив последний угрюмый взгляд на широкие просторы двора, где ему сегодня больше нечего было делать, решительным шагом двинулся на улицу.

Выйдя за пределы двора, он на несколько секунд остановился на краю тротуара и мельком огляделся вокруг, словно, несмотря ни на что, всё ещё питал смутную надежду увидеть своих неизвестно куда подевавшихся друзей, различить знакомые фигуры и лица среди двигавшихся по улице прохожих. Но, не заметив никого даже отдалённо напоминавшего его пропавших товарищей, тряхнул головой и, по-прежнему чуть слышно ворча что-то невразумительное, медленно пошёл вперёд, сам не зная куда и зачем, в полном смысле слова куда глаза глядят.

Ушёл, впрочем, недалеко. Пересёкши тротуар и проезжую часть – невзирая на отсутствие здесь пешеходного перехода, – он задержался возле находившегося на другой стороне улицы, рядом с автобусной остановкой, продуктового ларька, пестревшего бесчисленными яркими упаковками выставленных за стеклом товаров. Некоторое время неспешно водил по красочным, забитым сверху донизу всякой всячиной витринам безразличным, рассеянным взглядом, очевидно совершенно не интересуясь тем, на что были устремлены его глаза, и даже не думая ничего покупать. Затем, широко открыв рот, звучно зевнул, передёрнул плечами и тронулся дальше.

Однако почти сразу же вновь приостановился, обратив внимание на единственного сидевшего на остановке человека – грязного, растрёпанного пожилого бомжа, одетого так, словно на дворе была не середина лета, а поздняя осень, – в длинную полурасстёгнутую куртку, свитер с высоким горлом и массивные стоптанные ботинки огромного размера. Излишне говорить, что всё это подобранное явно не по сезону облачение было поношенным, измятым, засаленным и источало к тому же не слишком приятный запах, который Гоша почувствовал, едва приблизился к бродяге.

Тем не менее, хотя и брезгливо морщась и скорчив презрительную гримасу, он остановился в нескольких шагах от ссутулившего спину и уронившего седую косматую голову на грудь – по-видимому, задремавшего – бомжа и некоторое время смотрел на него со смешанным выражением любопытства и гадливости, как смотрят на редкое, отвратительное на вид насекомое, перед тем как раздавить его. И в голову ему внезапно пришла мысль – не сыграть ли со старым бродягой одну из тех жестоких шуток, которые он и его друзья не раз проделывали с подобными субъектами, доставляя себе тем самым немалую потеху, чего совсем нельзя было сказать о тех, над кем они подшучивали. С этим намерением и с ехидной ухмылкой, появившейся при этом на его губах, Гоша, недолго думая, шагнул к спящему, ничего не подозревавшему бомжу...

И тут же пожалел об этом. В нос ему ударила такая ужасная, невыносимая вонь, что он не отважился приблизиться к зловонному старику больше ни на шаг, не говоря уж о том, чтобы прикоснуться к нему. Неожиданно подвергшись такой мощной химической атаке и мгновенно

позабыв о задуманной им шутке, Гоша, как ошпаренный, отшатнулся от бомжа, окутанного, точно земля озоновым слоем, густым тяжёлым смрадом, не подпуская к нему никакого врага и надёжно защищавшим его от любой опасности.

Покинув отравленную зону, Гоша вернулся к прежней неторопливой, расслабленной походке и снова двинулся в неизвестном ему самому направлении. Путь его пролегал теперь по широкой, обсаженной ровными, аккуратно подстриженными кустами аллее, ведущей к центру небольшого тенистого сквера, под огромными ветвистыми деревьями которого в этот знойный предвечерний час, спасаясь от жары, собралось немало народу, в основном молодых мамаш с маленькими детьми. Эти дети, за исключением разве что тех, что ещё лежали в колясках, вели себя чрезвычайно активно и шумно, находясь в непрерывном хаотическом движении и оглашая окрестности несмолкающим многоголосым гомоном. Они с весёлыми криками и гиком бегали друг за дружкой по просторным, затенённым пышной листвой дорожкам, катались на сдававшихся напрокат детских автомобилях, визжа от восторга, прыгали и кувыркались на большом надувном батуте, раскинувшимся чуть поодаль, на краю сквера.

Но больше всего отдыхающих, и детворы и взрослых, было на центральной площадке сквера, куда сходились с разных сторон все его дорожки и аллеи. По краям её стояли красные металлические лавочки с невысокими спинками, а в середине находился обнесённый резным каменным бордюром фонтан, выбрасывавший вверх чистые прозрачные струи и обдававший тех, кто приближался к нему, прохладной, освежающей водяной пылью.

Однако даже он не мог охладить пыл разгулявшейся ребятни, весёлой беспорядочной гурьбой носившейся вокруг него и оглашавшей воздух пронзительными воплями и смехом. Её жертвой едва не стал Гоша, в задумчивости подошедший к фонтану и не обративший внимания на близившуюся опасность. Остановившись возле бордюра и чуть склонив голову набок, он устремил безучастный, немного грустный взгляд на воду, взмывавшую ввысь, дробившуюся на тысячи мельчайших брызг, ярко вспыхивавших в солнечных лучах, проникавших сюда через редкие просветы между купами деревьев, и с мягким монотонным плеском падавшую вниз.

Но пребывая в этом меланхоличном, созерцательном состоянии совсем недолго, спустя несколько мгновений выведенный из него шумной, неудержимой ватагой расходившейся мелюзги, с диким визгом и хохотом налетевшей на него и едва не сбившей его с ног. Никак не ожидавший этого внезапного нападения, Гоша пошатнулся и, не без труда удержав равновесие, ошеломлённо огляделся кругом. И, увидев, что неуёмная вопящая орава, ни на секунду не притормозившая и как ни в чём не бывало понёсшаяся дальше, совершает очередной – который уже по счёту – забег вокруг фонтана и вновь стремительно приближается к нему, он не стал испытывать судьбу и поспешил отойти в сторону, благоразумно уступив дорогу буйной и дерзкой молодости.

Метнув ещё один взгляд вокруг и обнаружив, что все лавочки заняты – на каждой сидело по три-четыре человека, – Гоша недовольно насутился, сердито буркнул что-то и направился прочь из сквера.

Глава 2

Однако покинуть эти края так скоро и в одиночестве ему было в этот день не суждено. Он уже почти оставил сквер позади, достигнув того места, где крайняя его дорожка вливалась в широкий уличный тротуар, – и вдруг резко замедлил шаги и остановился как вкопанный. Обернувшись, он впился внимательным, заинтересованным взглядом в то, что заметил поначалу лишь краем глаза, мимоходом, но что, по-видимому, так мгновенно и властно привлекло его внимание, что он оказался не в силах не остановиться и не рассмотреть это как следует.

«Этим» была одинокая миловидная девушка, сидевшая на крайней лавочке, поодаль от основной массы отдыхающих. Одетая она была в... Впрочем, одежды на ней было так немного,

что правильнее было бы сказать, что она была скорее раздета, чем одета. На ней были лишь коротенькие шорты, больше похожие на трусы, такая же короткая розовая маечка, или, вернее, узкий лоскут тонкой полупрозрачной ткани, едва прикрывавший грудь, да лёгкие, почти невидимые на ступне босоножки. Дополнением к этой не слишком обременительной сбруе служили многочисленные и разнообразные ювелирные украшения – серёжки, кольца, цепочки, браслетики, – усыпавшие тело девушки с головы до ног и как бы оттенявшие и подчёркивавшие её яркую, соблазнительную наготу. Особенно выделялся довольно крупный гранёный камешек в виде сердечка, висевший у неё на шее на золотой цепочке и то и дело ослепительно вспыхивавший на солнце.

Замерев на месте, мгновенно позабыв о своём намерении поскорее покинуть чересчур людный и шумный сквер, Гоша пристально, не отрываясь и почти не мигая, как замороженный, смотрел на полуголую, блиставшую драгоценностями незнакомку – и никак не мог насмотреться. Он понимал, что такое настойчивое, довольно бесцеремонное разглядывание глупо и неприлично и может вызвать вполне оправданное недовольство той, на кого оно было направлено. Но ничего не мог с собой поделать и продолжал, застыв на месте и не в силах пошевелиться, пожирать её широко раскрытыми, словно в изумлении, всё более разгоравшимися глазами, точно узрев перед собой какое-то дивное, чудесное видение, от которого невозможно отвести взор, на которое можно смотреть, упиваясь и пьянея, до бесконечности...

Однако девушка оказалась на удивление снисходительной – или, скорее, равнодушной – к выказываемому ей упорному, граничившему с наглостью вниманию. Вероятно, она уже привыкла к то и дело устремлявшимся на неё выразительным мужским взглядам и воспринимала их как должное, как естественную и законную, положенную ей дань восхищения её яркой, неординарной красотой. А потому она лишь однажды скользнула беглым, рассеянным взором по застывшей в нескольких шагах от неё остолбенелой, напрягшейся Гошиной фигуре и больше уже не смотрела в его сторону, будто его и не было рядом.

Гоша же спустя минуту-другую спохватился и сообразил наконец, что ведёт себя смешно и нелепо, что он не может и дальше торчать здесь неподвижным безмолвным истуканом и пялиться на эту аппетитную полуобнажённую девицу (которая неизвестно что может о нём подумать, а возможно, уже и думает), что он должен, и немедленно, сделать одно из двух: либо подойти и заговорить с ней, попытаться познакомиться, либо повернуться и уйти – и, скорее всего, никогда больше не увидеть её.

Но последнего он никак не мог допустить. Сама мысль об этом была ему противна. Он не в силах был покинуть это место, точно пригвождённый к нему какой-то неведомой силой, которой он не в состоянии был – да и не имел особого желания – сопротивляться.

Он ещё продолжал рассуждать обо всём этом сам с собой, не зная, на что же в конце концов решиться, а его ноги между тем, словно независимо от его воли, или, вернее, непроизвольно подчиняясь его тайному, невысказанному стремлению, сами понесли его вперёд, к лавочке с сидевшей на ней прекрасной незнакомкой. И ему, оказавшемуся через мгновение прямо перед ней, не оставалось ничего иного, как взять себя в руки и открыть наконец рот.

– Не помешаю? – приглушённым, чуть хриловатым голосом произнёс он, уткнувшись глазами в землю.

Девушка немного удивлённо, будто только что заметив его, взглянула на него и, ничего не сказав, слегка пожала плечами.

Гоша, то ли не уловив это её лёгкое, неопределённое движение, то ли не поняв его значения, вскинул на неё глаза и, чуть повысив голос, повторил свой вопрос другими словами:

– Я присяду? Ты не против?

Она вновь едва заметно шевельнула плечом и равнодушно, точно нехотя, обронила:

– Пожалуйста.

Он тут же воспользовался позволением и опустил своё по-прежнему несколько напряжённое, как будто слегка онемелое тело на лавочку, по левую руку от незнакомки, но на некотором расстоянии от неё. Усевшись, протяжно выдохнул, точно сбросив с себя давившую его тяжесть, и провёл ладонью по разгорячённому, покрасневшему лицу.

– Ф-фу... Жарковато сегодня! Прямо пекло какое-то...

Сказал – и тут же оборвал сам себя, справедливо рассудив, что начинать разговор с незнакомой девушкой с замечания о погоде – это куда не годится. К тому же, вопреки его утверждению, сейчас, под вечер, да ещё здесь, в сквере, в тени густых раскидистых деревьев, было не так жарко, как на окрестных, раскалённых за день улицах. А значит, постепенно разгоравшийся и усиливавшийся внутренний жар, который он всё явственнее ощущал последние несколько минут, с того мгновения, как увидел неизвестную красавицу, был, по всей видимости, совершенно иного, отнюдь не погодного, происхождения.

Выдав из себя эту первую, не слишком удачную реплику, не вызвавшую, как и следовало ожидать, никакой ответной реакции со стороны соседки, Гоша на некоторое время умолк, не зная, что сказать ещё, не находя подходящей темы для разговора. Он вздыхал, отдувался, покашливал, отирал выступившие на лбу мелкие капельки пота, рыскал глазами вокруг, напряжённо соображая и всеми силами пытаясь отыскать так необходимые ему слова.

Но всё было без толку. Нужные, приличествующие случаю фразы не находились, упорно ускользали от него, в последний момент соскакивали с языка и забывались. А вместо них в голову отчего-то лезли и буквально просились на язык совсем другие речи – посторонние, случайные, совершенно не идущие к делу.

Гоша был близок к отчаянию. Такое, на его памяти, с ним происходило едва ли не впервые в жизни. Обычно в подобных ситуациях – при знакомстве и общении с девушками, даже очень красивыми и неприступными – он не терялся, не лез за словом в карман и не ударял в грязь лицом, держался спокойно и уверенно, порой даже нагло (что, как правило, приносило положительный результат). И вот вдруг ни с того ни с сего такое позорное фиаско! Прямо хоть под землю проваливайся от стыда.

Растерянный и сконфуженный, мгновенно утративший свой всегдашний боевой задор, так часто толкавший его на всевозможные сомнительные подвиги и авантюры, он сидел как на иголках, почти не шевелясь и не смея взглянуть на свою соседку, опасаясь увидеть на её лице надменно-презрительное или – что, пожалуй, ещё хуже – снисходительно-жалостливое выражение – и то и другое, увы, вполне заслуженное им. Он лишь сопел, пыхтел и потел, то и дело смахивая рукой бежавшие по его красному, пышущему жаром лицу тоненькие горячие струйки и слегка поматывая, точно китайский болванчик, внезапно отяжелевшей, будто наполненной туманом головой. И всё пытался вспомнить так хорошо известные ему, часто и не без успеха употреблявшиеся им в похожих случаях, обычно буквально отскакивавшие от языка выражения и обороты, уместные при первой встрече и попытке сближения с незнакомыми девицами.

Наконец, потеряв надежду отыскать нужные слова, которые могли бы спасти положение, отчаявшийся и униженный, Гоша подумывал уже сделать то, чего, кажется, никогда ещё не делал в подобных обстоятельствах, а именно: спастись бегством, покинуть поле боя, где он, не сделав ни единого выстрела, потерпел сокрушительное и постыдное поражение.

Однако в самый последний момент, когда он, так и не произнеся ни звука и угрюмо уставившись в землю, собирался молча встать и убраться отсюда не солоно хлебавши, совершенно неожиданно пришла помощь, причём оттуда, откуда он её совсем не ждал. Возле его уха внезапно раздался негромкий, чуть низковатый грудной голос, от которого у него по телу пробежала лёгкая дрожь:

– Хочешь сигаретку?

Чуть вздрогнув от неожиданности и слегка покосившись на нежданно-негаданно подавшую голос незнакомку, Гоша с трудом проглотил застрявший в горле комок и глухо, будто не своим голосом, пробормотал:

– Нет, спасибо... Не курю...

– А что так? – с тонкой усмешкой спросила она, доставая из своей сумочки пачку «винстон» и зажигалку. – Спортсмен, что ли?

Гоша качнул головой, в очередной раз смахнул со лба капельки пота и с запинкой произнёс:

– Д-да, типа того... Балуюсь немного.

Девушка щёлкнула зажигалкой, закурила и, впервые с некоторым интересом, без прежнего равнодушия и холодности, окинув взглядом его крепкую подтянутую фигуру, полюбопытствовала:

– А каким спортом занимаешься?

– Ну-у... раньше боксом, – вполголоса, чуть растягивая слова, ответил он. – Теперь плаванием.

– А с боксом что же? Бросил?

Гоша, под благотворным влиянием своей собеседницы понемногу приходя в себя после недавнего оцепенения и постепенно обретая свою обычную непосредственность и уверенность в себе, решился наконец взглянуть на неё в упор и, стараясь придать голосу твёрдость и силу, проговорил:

– Да, с боксом пришлось расстаться. После боя с одним товарищем, который закончился для меня нокаутом и сотрясением мозга, я понял, что это не моё. И занялся более безобидным спортом... Впрочем, Кличко из меня, скорее всего, всё равно бы не вышло. Так что и жалеть не о чем. – Прибавив это, он вздохнул и немного погрузнел, словно, вопреки своему заверению, всё же жалел о чём-то.

Незнакомка затянулась, выпустила изо рта длинную струю ароматного дыма и, метнув на Гошу ещё один, более внимательный и продолжительный, взор, снова поинтересовалась:

– Ну, а с плаванием как? Есть успехи?

Он пожал плечами.

– Да так, плаваю потихоньку. Ко дну, слава Богу, пока не пошёл.

Она опять, чуть прищурив глаза и затаив в уголках губ едва уловимую усмешку, посмотрела на него и слегка тряхнула своей изящной, как у статуэтки, головкой с густыми каштановыми волосами, туго стянутыми и собранными на затылке в плотный узел.

– Мне нравятся пловцы. У них такие красивые, мускулистые фигуры.

Глаза у Гоши вспыхнули. «Ого!» – подумал он, мельком, как бы невзначай, оглядев себя и тут же с ещё большим вниманием и как будто ожиданием чего-то воззрившись на соседку. – «Да это намёк! И довольно прозрачный... прозрачней некуда. Последним дураком надо быть, чтобы не понять этого!»

И его ожидания не были обмануты. Вновь затянувшись и окутав себя клубами белесого пахучего дыма, девушка устремила мечтательный взгляд вдаль и медленно, делая небольшие паузы между словами, промолвила:

– Я тоже люблю поплавать... На диком пляже... Без купальника.

Гошины глаза широко распахнулись и заблестели ещё ярче. От владевших им только что робости и заторможенности не осталось к этому времени и следа, он вновь обрёл куда более свойственные ему самоуверенность, бесшабашность, настойчивость в достижении поставленной цели. Правда, цель эта до последней минуты была ему не вполне ясна. Но после откровенных, интригующих признаний незнакомки всё сразу встало на свои места, всё будто прояснилось и обрело перспективу. Он мгновенно уразумел, что ему нужно, к чему стремиться и как

этого добиваться, и, придвинувшись поближе к соседке, прошептал в её маленькое розовое ушко, на которое ниспадала тоненькая непослушная прядь, выбившаяся из узла на затылке:

– Хотел бы я случайно оказаться на том пляже, когда ты там...

Она покосилась на него с неопределённым – не то насмешливым, не то одобрительным и даже, в чём он попытался уверить себя, ободряющим – выражением и, ничего не сказав, снова обратила взгляд вдаль, в глубь широкой оживлённой улицы.

Он же, восприняв её взгляд и красноречивое молчание как благоприятные для него знаки, почти как согласие и безмолвный призыв действовать в том же духе, воодушевлённый и слегка возбуждённый, придвинулся к незнакомке ещё ближе, практически вплотную, и впился в неё горящим, пронзительным взором.

А посмотреть и впрямь было на что – у неё была тонкая, грациозная, словно выточенная искусным резцом из слоновой кости, фигура с плавными изгибами и соблазнительными округлостями, гладкая, слегка тронутая ровным золотистым загаром кожа, не очень длинные, но стройные и красивые ноги с крошечными, как у ребёнка, ступнями идеальной формы и, наконец, мягкие, правильные черты нежного овального лица, на котором выделялись полные алые губы и огромные зеленоватые миндалевидные глаза, опущённые продолговатыми, загнутыми кверху ресницами.

И именно в эти изумрудные кошачьи глаза, взгляд которых то задумчиво устремлялся в пространство, то искоса, с чуть заметной лукавой усмешкой обращался в его сторону, Гоша глядел пристальнее всего, чувствуя, как проваливается в их тёмный омут всё глубже. Но ему нравилось это, он наслаждался теми ощущениями, что переживал в эти мгновения. По его телу понемногу разливалась приятная расслабляющая истома, сердце билось чаще и взволнованнее, голова, как при лёгком опьянении, наполнялась мутным колышущимся туманом. Эти ощущения обострялись и усиливались исходящим от соседки тонким сладковатым ароматом, который он с удовольствием вдыхал; в этом аромате слились запахи её тела, духов, которыми она была надушена, и терпкого сигаретного дыма, окутывавшего её лёгкой прозрачной пеленой...

Спустя пару минут, сообразив, что молчание чересчур затянулось и что пора наконец действовать, ковать железо, пока оно горячо, он решил, не медля, перейти к делу и воплотить в жизнь нехитрый план, стихийно сложившийся в его голове за то время, что он любовался прекрасной незнакомкой. И в качестве первого шага к этому он протянул ей руку и представился:

– Меня зовут Гоша. Можно Жора, или Гога, или Юра... ну как в кино.

Она улыбнулась, в очередной раз повела на него глазами и, чуть помедлив, будто на секунду заколебавшись, подала ему свою маленькую, по-детски пухлую ручку, каждый палец которой был унизан кольцами различных видов и форм.

– Алина.

– Очень приятно, – сказал он, бережно, точно боясь повредить, пожав протянутую ему нежную кисть и на секунду задержав её в своей руке. – Красивое имя.

– Да, мне тоже нравится, – она улыбнулась ещё шире, обнажив два ряда мелких, ослепительно белых зубов.

– Как странно, – заметил Гоша, откинувшись на спинку лавочки и глядя на свою соседку сбоку, в профиль. – Я никогда тебя здесь не встречал, хотя живу рядом и гуляю тут чуть не каждый день.

Она слегка двинула плечом.

– Может быть, и встречал, да забыл.

Он решительно замотал головой.

– Ну нет! Тебя б я обязательно заметил. И не забыл бы...

Он не договорил, так как в этот миг из глубины сквера донёсся оглушительный многоголосый вопль, заметно отличавшийся от тех, что почти непрерывно долетали оттуда до сих пор. Этот был гораздо более пронзительный, отчаянный и совсем не весёлый.

Обернувшись на крик, не прекращавшийся и не стихавший, а, напротив, усиливавшийся и разрастающийся, Гоша увидел своих недавних знакомых – буйную неугомонную детвору, неудержимой орудией ватагой носившуюся вокруг фонтана и несколько минут назад едва не сбившую его с ног, когда он по рассеянности оказался на её пути. Но теперь, к немалому его удовлетворению и злорадству, большая её часть уже не бежала, как прежде, стремглав, а была распростёрта на земле, у каменного подножия фонтана, и из глубины этой бесформенной, копошащейся груды разгорячённых тел, беспорядочно наваленных друг на друга, раздавались истошные крики, визги и плач, в одно мгновение сменившие бурное веселье и смех. По-видимому, кто-то из этой не на шутку разгулявшейся компании, несясь во весь опор, споткнулся и упал, увлѣкши за собой остальных, которые на полном ходу налетели на упавшего и рухнули на него и рядом с ним.

Как ни тешила его взор эта картина, Гоша всё же не стал смотреть на то, как повскакавшие с лавочек мамы извлекали из плотной визжащей свалки своих растрѣпанных, оравших благим матом чад, успокаивали их и пытались привести в порядок. У него сейчас было дело поважнее и поинтереснее, на котором постепенно сосредоточились все его мысли и чаяния и в котором он, – как ему казалось, не без оснований, – ожидал успеха. Он вновь повернулся к соседке и, подождав, когда поблизости понемногу утихли вопли и рыдания, заговорил с ней чуть приглушённым, вкрадчивым голосом:

– Ну что ж, Алина, оставаться здесь дальше, я думаю, не имеет смысла. Тут, сама видишь, слишком беспокойно... никакой интимности... Я предлагаю отчалить отсюда и поискать местечко покомфортнее.

– Например? – промолвила она, сделав последнюю затяжку и выбросив окурок в стоявшую рядом с лавочкой урну.

– Ну-у... например, пойти ко мне домой, – с небольшой запинкой произнёс он, не отводя от неё пристального немигающего взгляда и понемногу склоняя голову к её голове, так что они в конце концов едва не соприкоснулись. Тогда он чуть отстранился и махнул рукой вперѣд, в сторону слегка видневшихся сквозь зелень сквера жѣлтых трёхэтажных домов с высокими красными крышами. – Это совсем рядом. Вон там, только дорожку перейти.

Девушка рассеянно взглянула в указанном направлении и ничего не ответила, лишь слегка передёрнула плечами. Затем щѣлкнула зажигалкой и стала внимательно, будто в раздумье, смотреть на маленький, трепещущий язычок пламени.

– Пойдѣм, Алин, серьёзно, – вновь придвинувшись к ней вплотную и пытаясь заглянуть ей в глаза, убеждал Гоша. – Совсем ненадолго... ну, или как пожелаешь. Родаков нету, хата свободная. Посидим, пообщаемся... Есть хорошая выпивка, закуска... всё, как положено... Отлично проведѣм время! Обещаю: скучно не будет...

Он ещё некоторое время говорил что-то в том же духе, склоняя её в пользу своего предложения, представлявшегося ему чрезвычайно привлекательным. Но она, казалось, не слушала его, или, во всяком случае, слушала без всякого интереса, полностью уйдя в созерцание крошечного огненного лепестка, змеившегося у неё между пальцами, и занятая, вероятно, какими-то своими мыслями. А потом, видимо приняв решение, резко выключила огонь и твёрдо, безапелляционно проронила:

– Нет!

Поняв по её тону и выражению лица, что этот отказ окончателен и дальнейшие его уговоры будут пустой тратой времени, Гоша обескураженно умолк и немного растерянно огляделся вокруг, словно в поисках помощи и подсказки, как действовать дальше.

Но его растерянность длилась совсем недолго. Он почти сразу же нашѣлся и, метнув на объект своих желаний острый, выразительный взгляд, возобновил свои убеждения:

– Ну, не хочешь ко мне, так давай зайдём в какую-нибудь кафешку. Тут есть одна недалеко – вон там, за углом, – очень уютненькая. Я там частенько бываю. Выпьем чего-нибудь, поболтаем о том о сём.

Однако это предложение, как и приглашение домой, не соблазнило его новую знакомую. Она наморщила лоб, капризно надула губы, – что придало ей сходство с избалованным, своевольным ребёнком, – и категорично заявила:

– Не хочу.

Но распалённый, закусивший удила Гоша не сдавался и не оставлял попыток хоть чем-нибудь заинтересовать несговорчивую, безучастную к его домогательствам красотку. Он не верил, не хотел верить, что может упустить такую великолепную добычу, что эта чудесная, поистине золотая – учитывая количество и блеск усыпавших её драгоценностей – рыбка соскочит с его крючка, – и, опять придвинувшись к ней поближе, страстно зашептал ей на ухо пересохшими, чуть подрагивавшими губами, по-прежнему с наслаждением вдыхая опьяняющий запах её кожи и волос, от которого у него слегка кружилась голова:

– Ну, давай тогда просто пойдём прогуляемся. Чего нам сидеть-то тут сиднем? Скучно ведь... Пошатаемся лучше по городу, может, зайдём куда... Погода отличная, уже не жарко, самое время погулять. Пойдём, а?..

Его продолжавшиеся ещё какое-то время настойчивые призывы остались без ответа – на этот раз девушка даже не потрудилась открыть рот, чтобы отказать ему, а попросту отвернулась и, поджав губы и нахмурившись, с задумчивым и, как ему показалось, недовольным видом снова устремила взор в никуда, машинально теребя пальцами висевшее у неё на груди блестящее «сердечко».

Гоша, видя такую её реакцию, тоже в конце концов умолк, немного отстранился от неё и поник головой. Им овладели невесёлые, унылые думы. Радужные надежды и соблазнительные картины, которые успело нарисовать ему разыгравшееся воображение, стремительно потускнели и рассеялись, как дым Алининой сигареты. Он понял, что, по всей вероятности, не произвёл на свою случайную знакомую должного впечатления, не смог заинтересовать её своими вполне стандартными, банальными предложениями и привлечь её внимание к своей персоне.

«Ну что ж, и на старуху бывает проруха», – со вздохом подумал он и, бросив на свою очаровательную, по-видимому, глубоко задумавшуюся о чём-то соседку грустный, прощальный, как он полагал, взгляд, собирался уже встать, пожелать ей всего самого доброго и с опечаленным, стеснённым сердцем в груди удалиться.

И тут вдруг неожиданно-негаданно произошло то, на что он и не рассчитывал, не смел даже надеяться, что значительно превосходило самые смелые его ожидания, то, что мгновенно всё изменило и сулило направить события по совершенно иному, самому желательному и многообещающему для него пути. Девушка внезапно повернулась к нему, окинула его зорким, оценивающим взглядом и произнесла с лёгкой, почти неуловимой полуулыбкой, вновь, после некоторого перерыва, показавшейся на её губах и придавшей её лицу какое-то новое, не то насмешливое, не то ласково-снисходительное, выражение:

– У меня встречное предложение: не пойти ли нам ко мне?

Гоша не поверил своим ушам и несколько секунд удивлённо смотрел на неё, будто не понимая того, что услышал. А когда наконец понял, также слегка, не совсем уверенно улыбнулся и хрипловатым от волнения голосом проговорил:

– Отличное предложение!.. А где ты живёшь?

Она неопределённо махнула рукой.

– Далековато. Отсюда не видать. Придётся подъехать немного на «двойке»... Ну так ты идёшь или как? – Она вдруг, будто в нетерпении, чуть повысила голос и впиалась в него цепким, требовательным взором.

«С тобой, краса писаная, хоть на край света!» – едва не воскликнул Гоша, в восторге от такого поворота событий и совершенно не обратив внимания на неожиданную и несколько странную перемену в поведении соседки. Но сдержался и лишь согласно качнул головой.

– Да, конечно. Пойдём.

Они встали и, пройдя через центр сквера, где передохнувшие, набравшиеся сил детишки возобновили свои шумные игры и беготню, двинулись к улице по той самой аллее, по которой недавно, только в противоположном направлении, шёл Гоша. Достигнув остановки, они благоразумно обошли стороной бомжа, по-прежнему дремавшего под навесом и, как и прежде, сильно портившего воздух вокруг себя, и, дождавшись автобуса, уехали.

Глава 3

Они доехали, миновав несколько остановок, до конечной и, выйдя из автобуса, ненадолго приостановились. Гоша бросил взгляд вспять, на оставшиеся позади городские кварталы, озарённые косыми вечерними лучами, а затем перевёл вопросительный взор на спутницу.

– Ну, и где же твоё обиталище? Здесь, у речки?

Она несколько загадочно улыбнулась, мельком огляделась вокруг и мотнула головой.

– За мной.

И двинулась вперёд, к длинному крутому спуску, в который постепенно переходила дорога, сразу же после конечной остановки начинавшая понемногу идти под уклон и, наконец, словно обрывавшаяся в огромную бескрайнюю долину, посередине которой текла широкая полноводная река, окаймлённая с обеих сторон продолговатыми желтовато-серыми полосками пляжей и пышной ярко-зелёной растительностью – деревьями, зарослями кустарника, густыми травяными коврами.

Пляж, находившийся на другом берегу, был практически пуст – там виднелось лишь несколько разрозненных, значительно уменьшенных расстоянием фигур тех, кто решился переплыть реку и позагорать в одиночестве. На берегу же, обращённом к городу, было довольнолюдно, и хотя на землю кое-где уже ложились сероватые вечерние тени, а над водной гладью проносился порой не слишком приятный для купальщиков сырой ветерок, люди не спешили покидать пляж, не без пользы проводя здесь время и находя для себя всевозможные маленькие удовольствия. Одни купались или просто неподвижно, будто созерцая что-то, стояли в воде, другие неторопливо прохаживались по бережку, вероятно не отваживаясь войти в реку, третьи лежали на своих подстилках или прямо на песке, ловя последние притушенные лучи заходящего солнца. Чуть поодаль группа парней, разделившись на две команды, играла в волейбол; оттуда то и дело доносились глухие удары по мячу и сопровождавшие их отрывистые возгласы. Но самыми оживлёнными и активными, естественно, были дети, ведшие себя так же резво и шумно, как их сверстники в сквере, и так же оглашавшие окрестности пронзительными криками и беззаботным, залившимся смехом.

Почти достигнув пляжа, Гоша, следуя за своей знакомой, свернул налево, на длинную, убегающую вдаль аллею, обсаженную громадными ветвистыми деревьями, под сенью которых царил чуть мрачноватая, понемногу сгущавшаяся мгла. Идя вдоль пляжа, он поглядывал попеременно то на шедшую немного впереди, вновь как будто задумавшуюся о чём-то девушку, опытным глазом окидывая её изящную, точёную фигурку, то на отдохавших и развлекавшихся у реки людей, невольно отыскивая среди них знакомые лица – лица своих друзей, частенько, как и он сам, проводивших время в этих краях. Он очень не прочь был бы встретить их тут сейчас, чтобы они посмотрели, какую шикарную, сногшибательную девчонку ему удалось подцепить в их отсутствие, пока они занимаются всякой ерундой, детскими забавами. Посмотрели и обзавидовались!

Однако приятелей своих он, увы, так и не заметил – они, в самом деле, как будто спрятались от него сегодня, – и ему, за неимением свидетелей, приходилось в одиночестве наслаждаться лицезрением своей очаровательной спутницы, ритмично покачивавшей крутыми бёдрами в нескольких шагах от него, и утешаться мыслью, приятно гревшей его самолюбие, что он так легко и просто, без особых усилий и ухищрений, обычно необходимых в подобных случаях, буквально с ходу сумел привлечь к себе внимание такой яркой, восхитительной девицы и сразу же после знакомства был приглашён ею в гости – со всеми вытекающими отсюда последствиями! И именно эти последствия, рисовавшиеся ему в весьма красочных и выпуклых образах, более всего занимали сейчас его мысли и представлялись ему в этот момент не только вероятными, но и вполне осуществимыми, реальными, уже почти совершившимися, – по крайней мере, в его не знавших удержу фантазиях.

Он был так увлечён и возбуждён этими живописными, почти осязаемыми картинками, пронесившимися в его взбудораженном воображении одна за другой, что не заметил, как, непроизвольно ускоряя шаг и чуть обогнав спутницу, миновал мгlistую аллею и оставил позади людный, оглашавшийся криками неужённой детворы пляж. Остановившись и недоумённо оглядев расстилавшееся впереди обширное, поросшее невысокой редковатой травой поле, посреди которого возвышалась одинокая тонкая осина, он с вопрошающим выражением повернулся к Алине.

– А дальше-то куда?

Она, задержавшись рядом с ним, чуть заметно усмехнулась и молча кивнула головой вперёд.

Гоша, по-прежнему слегка недоумевая, перевёл взгляд в указанном ею направлении, на высившиеся в отдалении, на противоположной стороне пустынного поля, частные деревянные дома с высокими двускатными крышами, окружённые кое-какими хозяйственными постройками и ограждённые крепкими заборами.

– Там, что ли?

– Почти, – уклончиво ответила девушка и, продолжая хранить на губах таинственную полуулыбку, двинулась дальше.

Гоша, пожав плечами, последовал за нею, немного заинтригованный и с нетерпением ожидавший, где же закончится их прогулка.

Когда они проходили мимо стоявшей посреди поля осины, со стороны реки подул лёгкий свежий ветерок, и её тонкая трепетная листва, всколыхнувшись, ответила ему тихим печальным шелестом, похожим на невнятное прерывистое бормотание. Гоше даже почудилось на мгновение, что он в самом деле слышит чей-то взволнованный, едва различимый шёпот, как будто предупреждающий его о чём-то, предостерегающий от чего-то. Он скользнул мимолётным взглядом по чуть раскачивавшемуся на ветру, продолжавшему невразумительно бормотать что-то деревцу, а затем посмотрел на свою спутницу. И был немного удивлён, заметив жёсткое, мрачное выражение её лица, плотно сжатые, словно истончившиеся губы и холодный, металлический блеск в глазах.

– Что-нибудь не так? – осторожно осведомился он, внимательно глядя на неё.

Девушка, точно спохватившись, слегка встрепенулась, мгновенно вернула на лицо мягкую небрежную улыбку и передёрнула обнажёнными плечами, будто озябнув от сырого ветра, время от времени дувшего с реки.

– Нет, всё в порядке. Просто здесь немного прохладно...

Гоша, видимо удовлетворённый таким ответом, кивнул и тоже чуть-чуть, краем губ, улыбнулся.

Миновав пустырь и достигнув замыкавшей его небольшой группы деревьев с толстыми кривыми ветвями и плотной, непроницаемой листвой, Алина повернула направо, к берегу.

Увидев, что они удаляются от находившихся рядом, на пригорке, домов, являвшихся, как полагал Гоша, конечным пунктом их путешествия, и идут в каком-то совершенно непонятном ему направлении, он снова поинтересовался:

– А далеко ещё?

– Близко, – успокоила его девушка, махнув рукой куда-то в сторону. – Уже почти пришли.

«Куда пришли-то?» – мысленно спросил Гоша, удивлённо глядя на низкий, заросший пышной ядовито-зелёной травой берег, к которому они приближались. – «Не в реке же она живёт, я надеюсь. На русалку она вроде не похожа...»

Но, не дойдя до утопавшего в густой зелени берега несколько метров, Алина внезапно свернула влево и, нырнув в узкий проход между зарослями высокого колючего кустарника, практически исчезла из вида.

Гоша, словно опасаясь упустить свою юркую спутницу, ускорил шаг и устремился следом за ней. Пробравшись через щель между кустами, он, стараясь не отставать от подруги, хрупкая, будто ускользающая фигурка которой смутно мелькала впереди, шёл некоторое время в плотной тени стоявших здесь мощных кряжистых деревьев, по едва заметной в полумраке извилистой тропинке.

Но буквально через считанные мгновения деревья неожиданно расступились, тропинка оборвалась, и Гоша в лёгком изумлении остановился. Прямо перед ним, на просторной зелёной лужайке, громоздился массивный, чуть вытянутый в длину двухэтажный дом, сложенный из чёрных, будто закопченных, по большей части искривлённых и потрескавшихся от старости брёвен и увенчанный покатою, местами покоробленной кровлей с острым угловатым коньком и мутным слуховым окошком на убогом «фронтоне». Дом и окружавший его двор были обнесены ветхой покосившейся изгородью, состоявшей из гнилых почернелых жердей, кое-как соединённых одна с другой, точно привалившихся в крайнем изнеможении друг к другу; задняя её часть терялась в глубине двора в буйной, беспорядочно разросшейся зелени. Вросший в землю полуразвалившийся сарай, поленница без дров, кривая завалинка, заросшие крапивой и прочим сорняком грядки, которых уже почти не было видно, и несколько чахлах яблонь и слив, отягчённых никому не нужными гниющими плодами, дополняли безотрадную картину запустения и упадка.

Гоша несколько секунд с удивлённым и разочарованным видом созерцал этот унылый пейзаж, а затем недоумённо воззрился на Алину, как ни в чём не бывало, с довольной улыбкой оглядывавшую свои владения.

– Ты здесь живёшь?

Та ответила ему насмешливым и как будто несколько вызывающим взглядом.

– Да. А тебе что-то не нравится?

Он заколебался с ответом.

– Да нет... ничего...

– Ну, тогда милости прошу к моему шалашу, – она распахнула дряхлую, как и всё вокруг, едва державшуюся на ржавых петлях калитку и качнула головой в сторону дома. – Плиз!

Гоша чуть помедлил, словно не решаясь войти в этот запущенный двор, от которого, точно от кладбища, веяло чем-то безжизненным и затхлым. Но всё же вошёл и, сопровождаемый хозяйкой, неспешно двинулся по узкой утопанной дорожке к входу в дом, продолжая озираться кругом.

Во время этого короткого перехода от калитки к крыльцу он смог убедиться, что этот заброшенный уголок не так уж безжизнен, как показалось ему вначале: в глубине стоявшей поблизости большой собачьей будки он заметил чьи-то злобно блеснувшие желтоватые глаза и услышал донёсшееся оттуда глухое сердитое рычание.

– Не кусается? – спросил он, с некоторой опаской поглядывая на просторную и, как выяснилось, обитаемую конуру.

– Кто, Мэнсон? Не-ет, – широко улыбнулась Алина, приоткрыв маленькие острые зубки. – Он добрый. Мухи не обидит... Но за хозяйку, за меня то есть, загрызёт кого угодно!

– Приму это к сведению, – шутливо ответил Гоша, одновременно ещё раз опасно поглядев на будку.

Взойдя на крыльцо, он бросил взгляд в сторону реки, широкая мутно-серебристая лента которой виднелась неподалёку, в паре десятков метров, лишь слегка загороженная росшими на берегу кустами и высокой травой.

– Не заливаает вас тут весной?

– Да нет... вроде бы... – рассеянно ответила Алина, остановившись перед дверью и будто прислушиваясь к чему-то.

Гоша, продолжая смотреть на речку, выразительно усмехнулся и скосил глаза на девушку.

– И вот тут, значит, ты и купаешься... без ничего?

– Да, иногда, – безразлично ответила она, не поддержав его игривого тона. И, после некоторой заминки, широко распахнула входную дверь, в отличие от калитки, крепкую и толстую, с двумя замками и внушительным засовом. – Заходи!

Гоша, автоматически вытерев ноги о дырявый половик, лежавший у порога, и сохраняя на лице красноречивую пошловатую ухмылку, вошёл в дом. Девушка, глядя на него с холодным непроницаемым выражением, последовала за ним.

Пройдя тесные тёмные сени и открыв ещё одну, уже незапертую дверь, они оказались в обширном, плохо освещённом помещении, как бы объединившем в себе прихожую и столовую. Сквозь небольшое, засиженное мухами окно сюда вливался тусклый, понемногу затухавший вечерний свет, падавший на громоздкий обеденный стол, застеленный выцветшей клеёнкой, порезанной и прожжённой в нескольких местах, на грязную допотопную газовую плиту, на которой сгрудилось несколько загаженных кастрюль без признаков пищи и высокий чайник с длинным погнутым носиком, на серый от пыли, слегка накренившийся холодильник, покрытый какими-то подозрительными рыжими пятнами вперемежку с наклеенными кем-то аляповатыми, неуместно и нелепо выглядевшими здесь картинками. На облезлых, обшарпанных стенах висели жалкие клочья обоев, сквозь осыпавшуюся кое-где штукатурку проглядывали куски дранки; на голом дощатом полу валялся истёртый, изъеденный молью войлочный коврик с остатками замысловатого орнамента; с низкого потемневшего потолка свисала на коротком кривоватом проводе маленькая запылённая лампочка, очевидно, давно уже, а может быть, и никогда, не знавшая абажура.

«Неужели ты тут живёшь?!» – опять едва не вырвалось у Гоши, поражённого внутренностью дома ещё больше, чем его внешним видом. – «Это ж самый настоящий бомжатник!»

Однако он сдержался и, выдавив на лице натянутую ненатуральную улыбку, сказал то, что принято говорить в подобных случаях, вне зависимости от увиденного:

– Очень мило. Симпатичная хатка... Стиль ретро... местного разлива.

Алина усмехнулась.

– Серьёзно? Тебе нравится? Я очень рада. Приятно слышать. – И махнула рукой вперёд. – Присаживайся.

Не обратив внимания на явную насмешку, прозвучавшую в её голосе, Гоша подошёл к столу и после короткого колебания присел на стул – тот показался ему более надёжным, чем стоявший рядом хромоногий табурет. Усевшись, вновь огляделся и, скромно кашлянув, осведомился о том, что до сих пор почему-то не приходило ему в голову и о чём он вдруг вспомнил:

– А в доме никого больше нет?

Девушка, прищурившись, с тонкой невинной улыбочкой посмотрела на него.

– А что?

Он замялся.

– Да так...

Она исподлобья, слегка усмехаясь, молча глядела на него несколько секунд, а потом лучезарно улыбнулась и с заговорщическим видом подмигнула ему.

– Не беспокойся. Здесь больше никого нет. Мы одни.

И после того как он удовлетворённо осклабился ей в ответ, она, видимо решив показать себя радушной хозяйкой, предложила:

– Может, хочешь выпить чего-нибудь, закусить?

Гоша, мельком взглянув на безобразную, уставленную пустыми кастрюлями плиту и на пятнистый, наклонившийся, точно Пизанская башня, холодильник, вежливо отказался от угощения.

– Ну, как хочешь, – равнодушно сказала Алина, очевидно, ничуть не обиженная отказом. – Тогда посиди тут немного, а я пойду переоденусь. Я быстро. Не скучай. – И, одарив его напоследок ещё одной сияющей, обворожительной улыбкой, от которой у него сильнее забилося сердце, она исчезла за дверью, ведущей в соседнее помещение, вероятно, спальню.

Проводив её восхищённым масляным взглядом, Гоша причмокнул губами, шумно выдохнул и, сладко прижмурив глаза, отдался томным, волнующим раздумьям. Он подумал о том, как на удивление благоприятно и удачно всё сложилось, как легко и быстро, точно по маслу, пошло дело. Выходя сегодня из дому, а в особенности чуть позже, когда, не найдя своих друзей, он пребывал в угрюмом и меланхоличном расположении духа, он и представить себе не мог, что всё вдруг так резко изменится, что события примут такой неожиданный и приятный для него оборот. Что неизвестная красавица, которую он впервые в жизни видел, после минутного знакомства и короткого разговора, немножко, как водится, поломавшись и отвергнув для вида несколько его предложений, внезапно, с места в карьер, пригласит его в гости, в свой дом...

Тут, вернувшись к действительности, он открыл глаза и ещё раз окинул взглядом окружавшую его не слишком приглядную картину. Чуть нахмурился и пожал плечами. Да, обстановка, конечно, оставляла желать лучшего. Было как-то странно, если не сказать больше, что такая красотка, изящная, утончённая, ухоженная, со вкусом одетая (или, вернее, раздетая) и усыпанная драгоценностями – судя по блеску, настоящими, – точно новогодняя ёлка игрушками, может жить в подобной халупе, годной лишь для нищих и алкашей. К тому же эта удалённая безлюдная местность на краю города, уединённый чёрный барак, несколько смахивающий на гроб, приютившийся на отшибе, почти у самого берега, скрытый от посторонних глаз мохнатыми, непроницаемыми купа́ми деревьев и густыми зарослями кустарника. Эта мрачноватая обстановка как-то не вязалась с образом юной полуобнажённой красавицы, в одно мгновение пленившей его и заставившей позабыть обо всём на свете.

Безусловно, всё это немного непонятно. Возможно даже, тут что-то кроется... Однако у него не было сейчас ни времени, ни желания разгадывать загадки. Он был слишком взволнован и возбуждён. Ему, в чём он был почти уверен, очень скоро, вот-вот, предстояло испытать нечто чрезвычайно приятное. Пожалуй, самое приятное, прекрасное и восхитительное, что только есть в жизни, ради чего собственно и стоило, по его мнению, жить. И он, в предвкушении этого, не мог и не хотел думать ни о чём другом. Просто не в состоянии был делать это, весь отдавшись одному-единственному страстному желанию, завладевшему им целиком, без остатка.

Мечтая, он чуть покачивался на стуле и рассеянно водил глазами по помещению, в котором, по мере того как тускнел проникавший через окно закатный свет, постепенно ширился и густел мутный сероватый сумрак, обволакивавший и скрадывавший отдельные предметы. Последний, слабый и бледный, понемногу умиравший лучик задержался рядом с Гошей, застыв на стене над столом размытым белесым пятнышком. И, случайно остановив блуждающий взгляд на этом пятнышке, Гоша разглядел на освещённом им участке стены довольно любопытную картинку, на которую прежде не обратил внимания. Вернее, несколько сюжетно

взаимосвязанных картинок, нацарапанных на облупившейся штукатурке чьей-то шаловливой рукой: здоровый лысый мужик с напряжённым, непропорционально огромным инструментом, выписанным особенно тщательно и чётко, имеет в различных, порой самых невероятных и причудливых позах стройную полногрудую девицу, изгибающуюся и извивающуюся, точно змея, в его могучих объятиях. Несмотря на некоторую вполне естественную в данном случае грубость и упрощённость рисунка, изображения были тем не менее довольно живы, достоверны и не лишены своеобразной экспрессии; угадывалась уверенная рука человека с несомненными художественными способностями и глубокими познаниями в избранном предмете.

Пару минут Гоша с неподдельным интересом и похабной ухмылкой на губах изучал произведение неизвестного мастера, строя при этом предположения, кто бы мог им быть и имеются ли у изображённых на стене персонажей реальные прототипы. В девушке, по крайней мере, он сразу же обнаружил определённое сходство с хозяйкой дома, и чем дольше он разглядывал пикантные картинки, тем очевиднее становилось для него это сходство. От этого он почувствовал ещё большее возбуждение, его охватило ещё более развязное и игривое настроение, и он лишь немалым усилием сдерживал растущее волнение и нетерпение.

И когда скрипнула дверь, за которой скрылась недавно Алина, и за его спиной раздался шаг, он радостно перевёл дыхание и, удерживая на лице озорную усмешку, вызванную созерцанием фривольных рисунков, повернулся и открыл было рот, собираясь прояснить возникшие у него в связи с этим вопросы...

Однако не издал ни звука. Лишь слабый короткий вздох сорвался с его искривившихся губ. Улыбка замерла и тут же сползла с вытянувшегося, побледневшего лица, а глаза широко распахнулись от изумления и ужаса при виде того, что он увидел.

Вместо страстно ожидавшейся им прекрасной хозяйки в нескольких шагах от него стоял здоровенный широкоплечий мужик с мощным обнажённым торсом, длинными мускулистыми руками, в одной из которых он сжимал большую, утолщавшуюся на конце дубину, похожую на бейсбольную биту, и бритой наголо головой, крепко посаженной на короткой могучей шее, почти сливавшейся с плечами. Гоша сумел заметить только это, смог окинуть внезапно возникшего перед ним незнакомца лишь самым беглым взглядом, не успев остановиться на подробностях, в частности на чертах его лица. Неизвестный не предоставил ему такой возможности: не дав оцепенелому, застывшему на стуле Гоше опомниться и что-либо сообразить, не говоря уж о том, чтобы успеть что-нибудь сделать, он быстро выступил из окутывавшей его тени, поднял руку с дубиной и, не говоря ни слова, обрушил её на Гошину голову.

Удар был так силён и сокрушителен, что, придишись он прямо по голове, она, наверное, раскололась бы, как орех. Но буквально за миг до того, как дубина опустилась на его череп, Гоша успел инстинктивно отпрянуть чуть в сторону, – должно быть, сказались недолгие, но интенсивные занятия боксом и приобретённый навык ухода от ударов.

Однако совершенно избежать удара ему всё-таки не удалось: бита довольно сильно и чувствительно задела его, скользнула по левой стороне головы, содрала кожу с виска, и больно ударила по плечу. Свет мгновенно померк в его глазах. Он рухнул на пол и потерял сознание.

Глава 4

Первое, что ощутил Гоша, когда начал приходить в себя, была тупая, ноющая боль и невероятная тяжесть в голове, – она была словно налита свинцом. Впрочем, такая же тяжесть и слабость были во всём теле: всё оно, вплоть до кончиков пальцев, одеревенело и не желало слушаться его, когда он, едва опамятавшись, попытался пошевелить конечностями. Но его собственные руки и ноги отказывались повиноваться ему, они будто не принадлежали ему больше, и лишь по прошествии некоторого времени, по мере того как он приходил в чувство, ему удалось хотя бы отчасти овладеть ими и заставить повиноваться ему. Однако это было всё,

на что он пока был способен; о том, чтобы подняться с пола, не могло быть пока что и речи: остальное тело всё ещё не принадлежало ему.

К тому же, едва к нему вернулась способность соображать и он понемногу начал припоминать то, что произошло с ним незадолго до этого, он решил не спешить «оживать» и показывать тем, кто находился рядом с ним, что он пришёл в сознание. А то, что поблизости кто-то есть, он уловил сразу же, как только вышел из забытья. Он услышал голос. Или голоса. Правда, они были глухие, невнятные и доносились как будто издалека; непонятно было, кто говорит, невозможно было разобрать отдельные слова: они сливались в частое невразумительное бормотание.

Но спустя какое-то время он сумел сквозь мало-помалу затихавший шум в голове различить то, что говорилось рядом. Сначала обрывки слов, затем отдельные слова и словосочетания, потом относительно крупные куски речи и, наконец, всё то, что произносилось у него над ухом.

– Ох, папка, папка, и тяжёлая же у тебя рука! – говорил приятный, мелодичный голос, с насмешливо-укоризненной интонацией. – Ты, как обычно, немножко перестарался. Чуть-чуть. Не рассчитал сил... Я ж, кажется, раз пять тебе повторила: оглуши его немного, чтоб он вырубился на пару минут. А ты что сделал? Раскроил ему череп, – кровь вон из уха идёт. И вообще, видок у него, как у покойника. Может, загнулся уже, чего доброго? Было бы обидно...

Гоша сразу же узнал этот голос. Неторопливый, чувственный, словно обволакивающий, так волновавший и возбуждавший его не так давно голос красавицы из сквера, приведшей его в свой дом ради какой-то известной только ей цели. Но то, что цель эта ему лично не сулила ничего хорошего, это, судя по происшедшему с ним только что, было несомненно. Его мысль, едва лишь отлетели последние остатки обморока, напряжённо заработала. Он старательно пытался уразуметь, что же с ним случилось, куда и к кому он попал, что с ним собирается сделать эта странная – более чем странная! – девушка? «Судя по всему, я в очередной раз вляпался в какое-то дерьмо», – думал он, уткнувшись лицом в грязный пол и чувствуя щекой его неровную шероховатую поверхность. – «Только на этот раз всё, кажется, хуже... гораздо хуже, чем обычно. Кажется, моё дело дрянь!»

Чтобы побольше узнать из речей незнакомки, и прежде всего о её намерениях в отношении его, он решил как можно дольше притворяться бесчувственным и внимательно слушать всё, что она скажет. Слушать – и соображать, делать выводы, пытаться найти выход из этой непростой, пугавшей его всё больше ситуации.

– Да, папуля, твою бы энергию да в мирных целях, – продолжала между тем выговаривать кому-то Алина, судя по её чуть подрагивавшему голосу, еле сдерживая смех. – Цены б тебе не было! Ну сам подумай: если этот чмошник действительно откинул копыта – а очень похоже на то, – что нам тогда делать? Все мои усилия, получается, насмарку. Псу под хвост! Я поймала его в свои сети, полчаса вынуждена была слушать всякую бредятину – какая я красивая, обворожительная, сексапильная и всё такое (будто я сама этого не знаю!), – привела его сюда, в эту вонючую конуру... Кстати, то, что мужики не сбегают, увидев эту мерзкую гнилую развалюху и эту бомжацкую обстановку, единственно моя заслуга. Я тебе уже не однажды говорила и повторю ещё раз: пора менять хазу, эта не годится...

И только в этот момент, слушая разглагольствования словоохотливой хозяйки, Гоша вспомнил наконец то, что странным образом, – должно быть, под действием страшного удара, обрушившегося на его голову, – на какое-то время выпало из его памяти. Он отчётливо вспомнил того, кто нанёс ему этот удар, – огромного мускулистого мужика с увесистой дубиной в руке, обладавшего, по-видимому, невероятной физической силой, которую Гоше довелось испытать на себе. Теперь несложно было догадаться, с кем разговаривала Алина, кого она называла «папулей». «Неужели этот мордоворот – её отец?» – с сомнением подумал Гоша. Однако

ему тут же пришло на ум, что после того, что произошло с ним только что, это было совсем не то, чему следовало удивляться более всего.

– Ладно, хватит базарить по-пустому, – после короткой паузы отчеканила Алина совсем другим тоном – холодным, жёстким, суховато-деловым. – Раз этот сопляк дал дуба, значит, веселья у нас сегодня не будет. Жаль, конечно, я уже настроилась... Но ничего не поделаешь, бывает. Постарайся, папочка, впредь быть поаккуратнее. Не ломай мне кайф... А сейчас займёмся жмуриком. Не очень приятно, конечно, но приходится. Неизбежные издержки нашей работы...

Приблизившись к лежавшему ничком Гоше, она окинула его пренебрежительно-брезгливым взглядом, а затем, видимо не удовольствовавшись этим, пнула его ногой в бок.

Это задело Гошу за живое, и он, тут же позабыв о своём решении как можно дольше изображать бесчувствие, пошевелился, приподнял голову и бросил на свою обидчицу угрюмый взор.

– О-о, какой сюрприз! – заметив в нём признаки жизни, радостно воскликнула она и даже хлопнула в ладоши. – А наш-то покойничек, оказывается, жив! Прекрасно! А я уж начала было его оплакивать... Слышь, фраерок, ты вовремя ожил. Мы с папулей уже собирались предать твои бранные останки земле. Вот была бы умора – похоронили б тебя заживо, прям как Гоголя... или кого-то там, не помню... Хотя, – прибавила она, вдруг мрачно ослабившись, – для тебя, пожалуй, было бы лучше быть погребённым живым, чем... – Тут, словно боясь сказать лишнее, она оборвала себя на полуслове и загадочно усмехнулась.

Гоша, голова которого, как только он оторвал её от пола, вновь разболелась и отяжелела, будто схваченная тесным металлическим обручем, с усилием приподнялся и привалился спиной к стене. Преодолевая слабость, головокружение и лёгкую тошноту, он упёрся затылком в стену и поднял покрасневшие, подёрнутые дымкой глаза на весело ухмыляющуюся, торжествующую девицу, стоявшую, уперев руки в бока и чуть склонив голову, напротив него. Сквозь застилавшую его глаза плотную колышущуюся пелену он видел её черты не очень ясно, как в тумане, но сияющую на её лице жизнерадостную, ликующую усмешку всё же мог различить: эта широкая белозубая улыбка буквально распирала её и словно озаряла всё вокруг. И именно от этой её светлой, открытой улыбки на милом девичьем лице, так резко контрастировавшей с грозным, непонятным до конца и оттого ещё более страшным смыслом её слов, ему становилось особенно не по себе. Он всё отчётливее начинал понимать, что с ним происходит что-то жуткое, дикое, непоправимое, что он по глупости своей, или по невероятному, несчастному стечению обстоятельств, или, быть может, по чьей-то могущественной, неведомой для него воле, за какие-то неизвестные ему грехи, попал в историю, которая может закончиться для него очень скверно. Настолько скверно, что и подумать об этом страшно...

– Ну что, пловец, ты, надеюсь, окончательно оклемался? – Алина сложила руки на груди и посмотрела на него в упор. – Улавливаешь всё, что я говорю? Отлично. Тогда давай познакомимся поближе, если ты не против... А если против, – добавила она, криво усмехнувшись, – тебе всё равно придётся сделать это, потому что ничего другого тебе не остаётся... Ну, меня-то ты уже знаешь. Хотя, надо сказать, очень поверхностно. Признаюсь тебе откровенно: я не совсем то, чем кажусь со стороны, на первый взгляд. Точнее – совсем не то! Я не та, за кого ты меня принял и на что ты сразу же повёлся... на что все вы, козлы, так легко ведётесь... Ну да, впрочем, у тебя ещё будет возможность, причём в самое ближайшее время, узнать меня получше. Но предупреждаю сразу, – её голос вдруг стал глуховатым и сдавленным, а в глазах блеснул уже знакомый Гоше мрачный огонь, – лучше б тебе не узнавать меня такой, какая я есть на самом деле. Это будет самое страшное – и, кстати, скорее всего, последнее – знакомство в твоей жизни!.. Но, – коротко хохотнула она и задорно подмигнула ему, – как уже было сказано, деваться тебе всё равно некуда. Так что смиришься и прими свою горькую участь спокойно и твёрдо, как подобает заслуженному мастеру спорта!

Видимо, довольная своей сомнительной остротой, она сама же ей и посмеялась, после чего, вероятно вспомнив о чём-то важном, легонько хлопнула себя ладонью по лбу и укоризненно покачала головой.

– Ой, какая же я всё-таки эгоистка! Всё о себе да о себе. А о папуле чуть не забыла. А он такой скромник и молчун, что и не напомним о себе. Познакомься, фраерок, это мой папка, – она кивнула на своего не произнёсшего до сих пор ни единого слова собеседника, стоявшего чуть поодаль, у соседней стены, и молча внимавшего её речам. – С его дубиной ты уже познакомился, и, поверь мне, твоё счастье, что ты выжил после этого. Потому что силища у моего папашки немереная! Бывали случаи, когда он и без биты, просто ударом кулака, отправлял людишек на тот свет. Так что ты ещё легко отделался. Крепкая, видать, у тебя башка. Счастливец!.. Хотя, – прервала она себя, приснув от смеха, – что это я говорю? Какой ты нахрен счастливец?! Для тебя лучше было бы, пожалуй, испустить дух сразу, без лишних мук. Нас с папулей это, конечно, немного огорчило бы – мы лишены были бы сегодня нашей любимой потехи, – но вот для тебя это был бы, наверно, наилучший исход. Потому что, скажу откровенно, как на духу, ничего хорошего, ничего из того, на что ты, вероятно, рассчитывал, идя сюда, – а на что такие кобели, как ты, рассчитывают, догадаться нетрудно, – тебя здесь не ждёт. А ждёт тебя – уж ты поверь мне! – такое, что ты не раз и не два горько пожалеешь, что не окочурился сразу же, от удара папашкиной биты... О том же, что ты встретил меня сегодня и попал сюда, в этот уютенький домик, ты небось уже пожалел, а? – Она присела на корточки рядом с Гошей и с язвительной усмешкой заглянула в его бледное, осунувшееся лицо.

Гоша не ответил. Он не в силах был пока что – и от пережитого потрясения, и от крайней физической слабости – вымолвить ни слова и только растерянно и недоумевающе смотрел в устремлённые на него широко распахнутые изумрудные глаза, горевшие каким-то странным, как будто безумным огнём. И лишь чувствовал, как вместе с кровью по его венам постепенно разливался холодный липкий страх, от которого замирало сердце, по телу пробегала то и дело мелкая дрожь и, казалось, трудно становилось дышать.

– Что, от страха язык отнялся? – Угадав его состояние, весело воскликнула Алина. Она поднялась и отступила на шаг, по-прежнему не сводя с него сверкающего, насмешливо-пренебрежительного взгляда. – В зобу дыханье спёрло? А ведь совсем недавно, когда убалтывал меня, такой говорливый был, такой красноречивый! Так и сыпал словами, точно горохом... И ведь добился-таки своего, уговорил: я пошла с тобой. Правда, не совсем туда, куда ты хотел. Ты думал попасть в рай, а попал в ад! – Сделав ударение на последнем слове, она с многозначительным видом умолкла, словно давая ему возможность хорошенько уразуметь смысл её речей. Затем снова озорно улыбнулась и тряхнула густыми, рассыпанными волнистыми прядями волосами; за то время, что Гоша был без сознания, она изменила причёску и туалет: распустила волосы по плечам и накинула на себя свободную, чуть широковатую ей голубую футболку с надписью большими буквами «Fuck off!».

– Ну вот, пожалуйста! Я опять заболталась, увлеклась и забыла про своего любимого папочку. А он, мой бесценный молчун, стоит тихонько в сторонке и даже не напомним о себе. Ну, подойди же сюда, папуля, покажись нашему дорогому гостю. А то он в первый раз наверняка и разглядеть-то тебя как следует не успел. – И она махнула рукой своему безмолвному напарнику, который, повинувшись её жесту, вышел из полутёмного угла на освещённую середину помещения и остановился напротив Гоши.

Тот перевёл на него взгляд и окинул с головы до ног его мощную, по-прежнему обнажённую по пояс фигуру, казалось, загораживавшую собой полкухни. Это был необыкновенно крупный, ширококостный, хотя и не слишком высокий ростом, атлет с яйцеобразной – немного сужавшейся кверху – головой без единого волоса, необъятной грудью, покрытой затейливой татуировкой, и длинными, как у обезьяны, могучими руками, огромные кисти которых то и дело сжимались в пудовые кулаки, точно готовясь нанести удар. При малейшем движении под

кожей у него набухали и перекатывались крепкие, как сталь, мышцы, убедительно свидетельствовавшие о его нечеловеческой мощи; нечего было и думать о том, чтобы померяться с ним силами: он без особого труда раздавил бы любого противника обычной комплекции.

Но ещё больше, чем богатырское телосложение, обращало на себя внимание его лицо – почти квадратное, с крупными, резко обозначенными чертами и глубоко посаженными маленькими глазами, неподвижное, лишённое всякого выражения и эмоций, – то ли лицо человека, полностью погружённого в себя и отрешившегося от окружающего мира, то ли, – что, как показалось Гоше, было ближе к истине, – лицо идиота, совершенно неспособного к какой-либо умственной деятельности и годного лишь на то, чтобы беспрекословно исполнять чужие приказы. И исполнял он их – разбитая Гошина голова была ярким тому подтверждением – очень старательно и искусно, порой даже чересчур старательно.

– Вот, познакомься, это мой папка! – с неподдельной гордостью представила его Алина, окинув его громадную монолитную фигуру восхищённым плотоядным взглядом. – Прошу, как говорится, любить и жаловать. Хорош, правда? Настоящий мужик! Сильный, надёжный, любящий. Мечта любой нормальной женщины. С ним я как за каменной стеной... Не чета таким блудливым хлыщам, как ты, думающим только о том, как затащить девчонку в постель, напакостить, а потом слинять.

Полюбовавшись ещё некоторое время своим, как и прежде, безмолвствовавшим, смотревшим в одну точку, будто окаменевшим «папкой», она повернулась к Гоше и, взмахнув тонкими дугообразными бровями, проговорила:

– Но ты не подумай только, что он мой настоящий папик. Не-ет! Я, конечно, немного извращенка, но не до такой степени, чтобы трахаться с родным отцом. Это было б чересчур даже для меня! Своего биологического папашку я знать не знаю и знать не хочу: он, поганец, бросил нас с мамашей, когда я ещё пешком под стол ходила. Так что я его почти не помню... Но моя мамаша, до того как сошла с ума, тоже не промах была: слишком долго без мужика она не могла, – в этом я вся в неё. И вскоре она нашла его – моего любимого папулю, который в тот момент находился в сложной ситуации. Только что освободился – ни денег, ни работы, ни жилья. Ну, мамашка и приютила его, обогрела, обласкала...

Алина вдруг смолкла, точно прислушиваясь к чему-то или, может быть, отдавшись на минуту всколыхнувшимся в ней воспоминаниям о собственном прошлом. Но эта внезапная задумчивость длилась лишь несколько мгновений. Она тряхнула волосами, словно отрешаясь от несвоевременных, возможно, неприятных ей мыслей, и, сложив губы в вызывающе-похабную улыбочку, заговорила вновь:

– Но вскоре выяснилось, что папуля предпочитает молоденьких... ну очень молоденьких девочек! И красивых, конечно. А я как раз такая тогда и была... Ну, красивая я, разумеется, и сейчас. Даже, думаю, ещё красивее, чем тогда. А вот молодость, увы, проходит. Какая жалость! Девятнадцать наемдни стукнуло. Уже девятнадцать – это ж ужас просто! Как время летит. Скоро совсем старушкой стану. Поморщусь, сторблюсь, увяну... фу, гадость какая, даже представить противно... И кто, спрашивается, на меня тогда посмотрит? Кто клонет на мою удочку? Кого я смогу тогда заманить сюда, вот как тебя сегодня?... Да-а, для женщины молодость и красота – это самое главное. Это самое убойное её оружие, которое косит мужиков, как траву. Это её основной капитал, который нужно вложить как можно выгоднее, чтобы удвоить, утроить, удесятерить его! И этот капитал у меня, слава богу, имеется. В достатке! Природой я не обижена. Так ведь? – пристально воззрившись на Гошу, спросила она с нескрываемым выражением презрения к нему и уверенности в собственном превосходстве.

Гоша вскинул глаза и несколько секунд исподлобья смотрел на неё. Даже в нынешнем своём положении, после всего того, что произошло и продолжало происходить с ним по её вине, – а о том, что ещё должно было произойти в самом ближайшем будущем, он и подумать боялся, – несмотря на всё это, он по-прежнему не мог не признать, что она необычно-

венно хороша. Эти тонкие, изящные черты прекрасного лица, гладкая нежная кожа оливкового оттенка, безупречная точёная фигура, стройная и гибкая, как у лани, плавные, закруглённые движения, мягкий, завораживающий голос не совсем обычного тембра, который приятно было слушать даже тогда, когда она говорила ужасные и отвратительные вещи, а главное – огромные, чуть не в пол лица, лучезарные глаза, упорный, пронизывающий, с лукавой хитрецой взгляд которых проникал, казалось, в самую душу, – всё это, вместе взятое, производило на него непередаваемое, потрясающее впечатление. Да, она действительно была неописуемо, чертовски красива, с этим трудно было поспорить. И не было ничего удивительного в том, что он, едва увидев её там, в сквере, был мгновенно очарован, можно сказать околдован, её прелестью и грацией и готов был идти за ней, как на поводке, куда угодно, хоть в пекло. Именно туда, по иронии судьбы, он и попал!

Но теперь, после всего происшедшего, после всего того, что он узнал о ней с её же собственных слов и о чём он смутно, но небезосновательно догадывался, он смотрел на неё совсем другими глазами. Застилавшая их розовая пелена спала, очарование рассеялось, чувственное возбуждение улеглось. Теперь он знал – или, во всяком случае, был очень близок к этому, – кто на самом деле эта яркая, сияющая, как звезда, красавица, точно сирена, завлекающая неосторожных и легковверных путников, чтобы погубить их.

– Короче, папуля положил на меня глаз, и мы стали любовниками, – чуть закатив глаза кверху, предавалась воспоминаниям, по-видимому, очень гревшим ей душу, Алина. – И это было круто! До сих пор мурашки по коже, как вспомню нашу первую ночь... хотя, может быть, это был день, неважно... Мне было шестнадцать, и хотя целкой я, разумеется, уже не была, всё равно поначалу было немного страшновато. Да и папуля, скажем откровенно, был не особенно нежен – накинудся на меня, как изголодавшийся зверь... Но меня необычайно возбуждала сама мысль, что я трахаюсь с отчимом, с мужем собственной матери, с тем, кого я называла отцом. Это незабываемое ощущение! Это стоит попробовать. Запретный плод, как известно, сладок, – в этом я убедилась на опыте...

В этот миг её сверкавший, беспорядочно бегавший по сторонам взгляд случайно задержался на красовавшихся над столом весёлых картинках, изображавших необузданные плотские утехы двух страстных любовников. Несколько секунд она внимательно рассматривала их, будто видела впервые, а потом кивнула на них Гоше и прищёлкнула языком.

– Да, талантливый человек талантлив во всём! Мой дорогой папуля не только великолепный, непревзойдённый любовник, но и незаурядный живописец. Прямо Сальвадор Дали... доморощенный. Вон, вишь, что он тут нацарапал как-то на досуге... благо досуга у него предостаточно... Да ты видел уже, наверно. Себя самого и меня – в очень интересный момент! Конечно, он здесь кое-что приукрасил... преувеличил... Но, в конце концов, настоящий художник – не копиист. Он совершенно не обязан рабски следовать натуре. Он имеет право на своё особое видение, на воображение, полёт фантазии...

Высказав несколько этих соображений искусствоведческого характера, явно где-то услышанных или прочитанных ею и довольно странно звучащих в её устах, Алина, вероятно, поняла, что углубилась не в свою сферу, и, сооротив забавную гримаску, вернулась к куда более близкой ей теме и перешла на более привычный и свойственный ей лексикон:

– И потом, гораздо приятнее, по-моему, трахаться с взрослым, опытным, умелым мужчиной, чем с таким молокососом, как ты! – И она опять бросила на Гошу уничижительный, почти брезгливый взгляд, примерно такой же, каким он сам не так давно смотрел на старого бомжа, дремавшего на автобусной остановке.

Этот её взгляд, перехваченный Гошей, многое объяснил ему. До него окончательно дошло осознание того, кем на самом деле он являлся в глазах этой самовлюблённой, высокомерной, время от времени обливавшей его своим безграничным презрением девицы. Он был для неё тем же, кем был для него тот самый обтёрханный вонючий бродяга с остановки, то есть

вообще не человеком, тем, на кого всегда смотрят сверху вниз, в лучшем случае с пренебрежением и унижительной жалостью, как на дряхлого, беспомощного старика или нищего, в худшем – с омерзением и гадливостью, как на крысу или паука. В данном случае ближе к истине был, очевидно, второй вариант: ни о каком снисхождении и жалости к нему с её стороны не могло быть и речи. В её глазах, когда они обращались на него, сверкала лишь издевательская насмешка, то и дело сменявшаяся лютой злобой и неукротимым садическим желанием раздавить, растоптать, уничтожить его, заставить его страдать, корчиться от боли и ужаса, молить о пощаде, или, скорее, о том, чтобы его убили и тем самым прекратили его муки. Он недоумевал, не в силах понять, откуда взялась у неё эта дикая, бешеная ненависть к нему, совершенно незнакомому ей человеку, в полном смысле слова первому встречному, не сделавшему ей абсолютно ничего – ни хорошего, ни дурного, не причинившему ей никакого вреда, ничем не обидевшему её, не сказавшему ей ни одного худого слова. Это была загадка для него, странная, необъяснимая, головоломная тайна, разгадку которой, – он понимал это всё отчётливее и безнадежнее, – ему, вероятнее всего, не суждено было узнать.

– Ну, мамашка, понятное дело, не пришла в восторг, когда узнала, чем мы с папулей занимаемся в спальне... и не только там. Помнишь, пап, как она впервые застучала нас... в самый, блин, неподходящий момент! Вот умора была! Жесть! – Обернувшись к своему сожителю, Алина с игривым выражением подмигнула ему и залилась радостным, беззаботным смехом, как если бы речь шла не о чём-то постыдном и гадком, что следует тщательно скрывать от посторонних, а о какой-нибудь невинной детской шалости, о которой приятно и весело вспомнить.

«Папуля», однако, не разделил её веселья. Или, вернее, по его лицу, как обычно, бесстрастному, непроницаемому, неподвижно-сосредоточенному, невозможно было понять, что он думал и чувствовал в этот момент, – если, конечно, предположить, что он вообще способен был думать и чувствовать. Лишь мимолётная смутная тень как будто пробежала по его грубым застылым чертам, и что-то весьма отдалённо напоминавшее улыбку на мгновение показалось на плотно сомкнутых мясистых губах, когда он смотрел на свою заразительно, от души хохотавшую подругу. Показалось – и тут же исчезло без следа, точно он сам понимал, что улыбка совершенно неуместна на его вечно угрюмом каменном лице.

Девушка же, отсмеявшись, чуть сдвинула брови и раздражённо передёрнула плечами, будто опять вспомнив о чём-то неприятном и тягостном. О чём именно, она невольно высказала вслух, хотя, по всей видимости, не собиралась этого делать. Хмуро глядя прямо перед собой, она вполголоса, ни к кому не обращаясь, а разговаривая как бы сама с собой, пробормотала сквозь зубы:

– Старая дура... алкоголичка проклятая... ты вздумала тягаться со мной. Со мной! Отобрать у меня моего мужика. Моего! Только моего!.. Скажи спасибо, что я не сгноила тебя в дурдоме, где тебе самое место. Пожалела. Мать всё-таки, какая никакая... И, возможно, зря пожалела. Ещё неизвестно, что из этого выйдет...

И вдруг, словно в ответ на её обращённые в никуда слова, откуда-то из глубины дома донеслись смутные, приглушённые звуки: не то шорох, не то постукивание. Донеслись – и тут же прекратились, как если бы тот, кто издал их, сам испугался своей дерзости и поспешил затихнуть. Но Гоша, несмотря на не прекращавшийся шум в голове, всё же уловил их. И немедленно сделал вывод: «Возможно, в доме есть ещё кто-то!»

Алина же, которую эти неожиданные звуки вывели из задумчивости, слегка встрепенулась, бросила куда-то в сторону быстрый косой взгляд и, взяв со стола пачку сигарет и зажигалку, немного нервно, как показалось Гоше, закурила, окутав себя сизым колышущимся облаком. Постаравшись вернуть на своё лицо надменную, презрительно-ироничную мину, она вновь обратилась к безмолвному, уныло поникшему Гоше, неподвижно скорчившемуся на

полу, рядом с поваленным при его падении стулом, и бессильно привалившемся спиной к стене:

– А что это ты всё отмалчиваешься, фраерок? Что, не хочешь со мной разговаривать? Папик вон молчит, ты будто язык проглотил, – одна я трещу без умолку, развлекаю вас. Ну, скажи хоть слово, поддержи разговор. Спой, светик, не стыдись!.. Или, может, я тебе уже не нравлюсь? – Её лицо приняло комично-разочарованное выражение, а губы якобы обиженно надулись. – Да-а, наверно, больше не нравлюсь. Разонравилась, какая жалость! Так быстро. Ай-яй-яй... Хотя оно и понятно, – продолжила она через секунду уже совсем другим тоном – ледяным, бесчувственным, с глухой, нарастающей от слова к слову угрозой. – Ты-то, идя сюда, очевидно, рассчитывал хорошо провести время, перепихнуться на скорую руку с красивой девчонкой и похвастаться потом этим подвигом, – естественно, прибавив кое-что от себя и сильно приукрасив, – перед своими друзьями... А тут вдруг такой облом! Такой шок! Вместо мягкой постели и горячей красотишки – дубиной по башке... И это ведь ещё ерунда, – она чуть склонилась и выпустила ему в лицо струю дыма, – это только начало... так, разминка. Самое интересное, захватывающее, возбуждающее, – но, не стану скрывать, не очень приятное для тебя, – начнётся потом, чуть попозже... после полуночи...

Приглушая голос всё больше и больше, она произнесла ещё несколько слов почти беззвучно, одними губами, после чего умолкла, точно не желая сказать лишнего, того, что, по её расчётам, ещё рано было говорить. Выпрямившись, она небрежно усмехнулась и метнула беглый взгляд в сторону окна, за которым давно уже погасли последние отблески заката и ступила тьма.

Гоша, вслед за ней, тоже мельком взглянул на квадратный оконный проём, на тёмном фоне которого смутно маячила колыхаемая ветром ветка стоявшего рядом дерева, порой с лёгким шорохом касавшаяся стекла, а затем, опять подняв глаза на хозяев дома, нарушил наконец своё затянувшееся молчание, произнеся хриплым, подрагивающим голосом:

– Что вам от меня нужно?

Услышав его вопрос, Алина весело сверкнула глазами и обернулась к своему недвижимому и немолчующему, будто воды в рот набравшему напарнику.

– Ты слышал, папуль? Он хочет знать, что нам от него нужно. Ему это интересно... А в самом деле, если хорошенько разобраться, что нам надо от этого перца? – Она наморщила лоб и с потешно-сосредоточенным видом приставила к нему пальчик. – Денег у него с собой нету, мобильника тоже, прикид не представляет особой ценности, выкуп за него мы не собираемся требовать, – мы ж не вымогатели какие-нибудь! Получается, что есть у тебя, мил человек, только одно, что можно отнять, – твоя жалкая, никчёмная жизнь. Твоё единственное достоинство, всё, чем ты пока ещё владеешь... Однако мы не станем отбирать её у тебя сразу, – она понизила голос и заговорила размеренным, глуховатым полужёпотом, не отрывая от Гоши пронзительного, немигающего взора, от которого, не меньше чем от её слов, ему становилось не по себе. – Это было бы слишком просто. Если б мы собирались прикончить тебя сразу, папка попросту расколол бы тебе череп своей битой – и все дела. Тут много ума не надо. Ради этого не стоило тащить тебя сюда через полгорода... Нет, мы с папулей не обычные, примитивные убийцы, которые стараются покончить со своей жертвой одним махом или, по крайней мере, возможно скорее. Мы получаем удовольствие от самого процесса и поэтому стараемся продлить его как можно дольше. Этот как в сексе – процесс важнее результата. Движение всё, результат ничто... ну, или почти ничто... Так что ты, фраерок, на быструю и лёгкую смерть даже не рассчитывай. Умирать будешь долго! – Заключительные фразы она произнесла, вновь присев на корточки, приблизив своё лицо к Гошиному и заглянув в его глаза.

И, увидев вблизи, в нескольких сантиметрах, её расширенные, потемневшие зрачки, её чуть искажённые, будто сведённые судорогой черты, в которых в этот момент было так мало от её красоты, – они, искривлённые ненавистью и ещё бог знает чем, были сейчас почти без-

образны, – почувствовав на своём лице её жаркое, прерывистое, с лёгкой хрипотцой дыхание, Гоша понял наконец то, о чём уже некоторое время смутно догадывался, но во что, не желая убивать в себе последнюю слабую надежду, не хотел верить, во что боялся уверовать окончательно. Он понял, что перед ним – сумасшедшая. Сумасшедшая, с помощью своих неординарных внешних данных заманивающая распалённых особей мужского пола в своё логово, мучающая свои жертвы и получающая наслаждение от их мук. А затем вновь выходящая на охоту, имея в своём арсенале одно-единственное, но зато необыкновенно эффективное оружие – неотразимую, убийственную – в данном случае не только в переносном, но в прямом смысле слова – красоту.

Словно подтверждая его предположения, Алина, подавшись назад и вскочив на ноги, сделала последнюю затяжку, отшвырнула окурочек и с увлечением, чуть ли не с гордостью принялась рассказывать о своих «подвигах»:

– Мы уже несколько месяцев развлекаемся таким образом... да, примерно с середины апреля, когда потеплело и можно стало выходить на улицу в мини... Нам с папашкой так скучно порой в этом одиноком заброшенном доме. Живём мы, сам видишь, на отшибе, на самом краю города, вдали от людей. Короче – глушь. Гости к нам не ходят... и, в общем, я их понимаю: я бы тоже не пошла по своей воле в такой свинарник, – она с брезгливым видом бросила взгляд вокруг и передёрнула плечами. Но почти сразу же её лицо, на котором различные, иногда противоположные выражения сменялись с поразительной быстротой, озарилось хитрой лисьей усмешечкой; она подняла указательный палец с длинным наманикюренным ногтем и покачала им, будто грозя кому-то. – И тогда нам в голову пришла очень удачная мысль... Вернее, мне в голову – я ведь не только красивая, но и умная, – а папик одобрил мою идею, – как всегда, не сказав ни слова. Идея была вот такая: раз никто не хочет идти к нам по доброй воле, мы привлечём гостей с помощью моих чар... Ты ведь уже испытал на себе их действие и, надеюсь, не станешь спорить, что это действительно страшная сила!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.